

ных работников: крепостные, как мы помним, ему были не положены по чину, да их и отменили в 1861 году. Для нормального ведения сельского хозяйства Фету было необходимо пять-шесть работников круглый год, плюс приходилось нанимать бригады на аккордные работы типа рытья прудов, перестилания полов и перекрывания крыши в доме. Встреча с русским наемным работником лицом к лицу произвела на немца Фета неизгладимое впечатление.

Во-первых, Фет с удивлением обнаружил, что все эти хори и калинычи, заключая срочный трудовой контракт, имеют в виду главным образом получение определенной суммы денег. Почти треть — примерно 10 руб. из 35-рублевого годового жалованья — забиралась вперед. Это была обязательная часть контракта. А что касается работы — тут уж, барин, как получится. И часто не получалось. Взял деньги за доставку экипажа из Москвы в запечатанном (рогожей) виде за неделю, да и пропал на три, рогожу отодрал, в экипаже сам ехал, изгваздал его, крыло помял — получи, барин, распишись. Подрядился пруд вырыть за неделю, две недели рыл, да что, «добавить надоть». Да нанятый работник вообще мог уйти и зате-

ряться где-то в бескрайних просторах необъятной родины. Так, например, исчез в 1861 году ремонтник молотилки, забрав деньги и плюнув на оставленный в залог паспорт. Когда Фет приехал объясняться в контору, продавшую молотилку, выяснилось, что таким образом исчезли все восемь нанятых наладчиками «мастеровитых крестьян». Конечно, случались и подвиги добросовестности, и припадки трудолюбия, но их непредсказуемость сбивала с толку.

Во-вторых, никакой рыночной, справедливой или хоть средневзвешенной цены на труд не существовало, каждый раз приходилось торговаться.

В-третьих, рынок труда Мценского уезда, да и всей Орловской губернии в 1860-х годах был рынком продавца. При низкой плотности населения и отсутствии нормальных путей сообщения спрос на наемных работников превращал предложение всегда, кроме

зимних месяцев. Начало строительства Московско-Курской железной дороги в 1864 году сделало этот дефицит круглогодичным. Но и до железной дороги в летние месяцы наемные работники часто переходили от одного барина к другому, выбирая, где харчи получше, да платят побольше, да надзору поменьше. Предыдущий владелец Степановки платил наемным рабочим 25 руб. в год, Фет очень быстро вынужден был дойти до ставки 31,5 руб.

В-четвертых, Фета поразила готовность свободного русского труженика при обсуждении размера штрафа или неустойки бухаться в ноги и слезно умолять «не погубить» и «заставить вечно Бога молить». Не каждый может это вынести, и Фет обычно все всем прощал и давал, лишь бы они ушли уже. Денежные потери бывали невелики, но картина общего хаоса на российском рынке вольнонаемного труда была дописана и покрыта лаком.

К концу жизни Афанасий Фет вжился в образ крепкого хозяйственника

Плюс ко всему — рама для картины — оказалось, что всякий русский мастеровой за работой на природе постоянно поет, громко, протяжно и немилосердно. А прислушаешься — оказывается, еще и романс, стихи Фета, обработка народная: «Лягу я в постель, не спится — э-эх, никто меня не берет!» То есть хоть бросай все и в Москву.

Но Фет своего проекта не бросил и продолжал планомерно повышать его рентабельность.

Земля-кормилица

На протяжении 17 лет Фет реинвестировал в развитие Степановки доходы, от нее полученные, да еще и жил с женой на эти же доходы. И это при том, что излюбленная торговая операция русских помещиков — продажа леса — в силу особенностей ландшафта Фету была недоступна. Приходилось рассчитывать на зерновые — в основном рожь. Качество земли способствовало высоким урожаям, первое впечатление от осмотра участка при покупке в этом оказалось правильным. Что не было учтено, так это критическая важ-

Встреча с русским наемным работником лицом к лицу произвела на немца Фета неизгладимое впечатление